

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.161.1'38:811.161.1'42(091)
ББК ШП141.12-55+ШП141.12-51

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01

М. В. Гаврилова
Санкт-Петербург, Россия

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О ВОЗДЕЙСТВИИ ПУБЛИЧНОГО СЛОВА: К СТОЛЕТИЮ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

АННОТАЦИЯ. В 2017 году в России отмечается 100-летие Февральской и Октябрьской революций. Это повод для объективной и всесторонней оценки исторического развития русского политического дискурса, воздействия политического слова на общественные настроения. Цель статьи — лингвокогнитивный и риторический анализ выступления лидера партии кадетов П. Н. Милюкова 1 (14) ноября 1916 г. в Государственной думе. Выбор материала обусловлен влиянием этой речи на развитие политической ситуации в России накануне Февральской революции. Это знаменитая речь, вошедшая в хрестоматию по отечественной истории; однако политическая речь, которую современники называли «штурмовым сигналом» к началу революции (А. С. Резанов), не получила рефлексии в отечественной лингвистической науке. В статье анализируются тематическая структура, композиция, коммуникативные стратегии и тактики, особенности аргументации, изобразительно-выразительные средства политической речи.

В ходе комплексного лингвистического анализа мы выяснили: убеждение и внушение, а не доказывание являлись способами речевого воздействия члена Государственной думы на собравшихся в зале заседания депутатов. Речевая агрессия была направлена на политических соперников и использовалась для защиты личных и групповых политических интересов. Основными коммуникативными стратегиями речи являлись дискредитация противников и повышение личного статуса. Речевое воздействие осуществлялось при помощи риторических средств привлечения внимания, речевых приемов, помогающих домыслить высказывания оратора, и изобразительно-выразительных средств, усиливающих эмоциональность и выразительность речи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политические речи; политическая риторика; политическая лингвистика; политический дискурс; политические деятели; речевое воздействие.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Гаврилова Марина Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры драматургии и киноведения Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения; 191119, Россия, Санкт-Петербург, ул. Правды, 13, к. 1526; e-mail: mvlgavrilova@gmail.com.

В 2017 г. в России отмечается 100-летие Февральской и Октябрьской революций. Это повод для объективной и всесторонней оценки исторического развития русского политического дискурса, воздействия политического слова на общественные настроения. Целью данной статьи является лингвокогнитивный и риторический анализ выступления политического лидера. Материалом исследования является выступление 1 (14) ноября 1916 г. лидера кадетской партии П. В. Милюкова в Государственной думе. Выбор материала обусловлен влиянием этой речи на развитие политической ситуации в России накануне Февральской революции. Эта знаменитая речь, вошедшая в хрестоматию по отечественной истории, политическая речь, которую современники называли «штурмовым сигналом» к началу революции (А. С. Резанов), не получила рефлексии в отечественной лингвистической науке. Кроме того, изучение ораторских и полемических приемов, позволяющих ввести аудиторию в заблуждение и склонить на свою сторону, может прояснить активно обсуждаемые сегодня в публичном пространстве понятия «постправда» и «ложные новости».

Актуальность исследования состоит в малой изученности традиций отечественного парламентского общения. Отметим, что интерес к изучению частной риторики парламентской речи наблюдался в начале 90-х гг. XX в. и был вызван становлением новой по-

литической системы. Анализируя выступления народных депутатов, лингвисты описывали жанры парламентского общения, культуру публичных выступлений, ритуализацию советского политического языка, когнитивную силу метафоры, приемы аргументации, используемые в политической дискуссии, выразительные средства политической речи и др. [Баранов, Казакевич 1991; Баранов, Караулов 1994; Виноградов 1994; Культура парламентской речи 1994; Складневская, Ткачева 2003]. Подчеркнем, что материалом исследования преимущественно являлась парламентская речь советского периода и периода перестройки. Нам представляется, что анализ ораторского мастерства членов дореволюционной Государственной думы будет полезен для выяснения лингвистической, логической и этической норм российской парламентской речи.

Контекст коммуникативного события.

Значение дискурса определяется взаимодействием речевых структур и контекста, в котором они употребляются. Поэтому дискурсивный анализ должен зафиксировать обстоятельства, в которых происходит коммуникативное событие, и определить их отношение (значимость) к структуре текста.

Вслед за Т. ван Дейком мы определяем контекст как ментально представленную структуру тех свойств (особенностей) социальной ситуации, которая уместна для производства или понимания дискурса. Контекст

включает в себя следующие категории: 1) общее определение ситуации; 1.1) обстановку (время, место события); 1.2) действующих акторов (включая дискурсы и дискурсивные типы); 1.3) участников, выступающих в различных коммуникативных, социальных или институциональных ролях; 2) ментальные представления участников (цели, знания, мнения, позиции и идеологии).

Ментальные представления участников коммуникативного события могут включать в себя: 1) абстрактные знания о событии; 2) личное знание (опыт участия в подобном мероприятии); 3) коммуникативную цель; 4) (политическую) социальную роль; 5) приверженность определенной идеологии; 6) задачи общественной группы или политической партии, в которой состоит участник; 7) личный интерес автора текста [Van Dijk 1998: 56—83].

Общественно-политическая ситуация в России в 1916 г. определялась событиями Первой мировой войны, конфликтом между думой и правительством и являлась «периодом обостренных чувств масс» [Резанов 1924: 16]. «Отсутствие риторического образования в стране не позволяло руководить общественным мнением и противостоять „растлению умов“, влиянию новой материалистической философии с ее модными и увлекательными идеями. Силу набирала пропаганда марксистских идей, политическая пресса была наполнена неверием, критикой и скептицизмом. Начало Первой мировой войны, неудачные действия правительства и императора Николая II, отсутствие убедительного объяснения народу происходящего вокруг вели к тому, что коммунистические идеи критики царской власти, призывы к построению нового общества одержали верх» [Аннушкин 2004: 64].

Время произнесения речи — 1 (14) ноября 1916 г., когда после 4-месячного перерыва Государственная дума собралась на новую сессию. Место произнесения — высшее представительное собрание с законодательными или административными функциями в России. Выступающий — Павел Николаевич Милюков. (Политическая) социальная роль оратора — депутат III и IV созыва Государственной думы, публицист, редактор кадетской газеты «Речь». Приверженность определенной идеологии: создатель и лидер Конституционно-демократической партии (кадеты), лидер оппозиционного Прогрессивного блока, составляющего большинство в Государственной думе. Задачи политической партии, в которой состоит участник коммуникативного события, — сохранить политический вес думы. Личный интерес по-

литика — спасти Прогрессивный блок от распада. Коммуникативная цель оратора — критика действий правительства и обвинение царской семьи в измене.

Речевая ситуация восприятия выступления. Члены Государственной думы слушали речь с интересом, вниманием и волнением, о чем свидетельствуют многочисленные ремарки в стенограмме выступления. Отметим, что *голоса* является наиболее частотным словом в тексте (22 словоупотребления).

Депутаты встретили речь одобрением: в тексте 6 раз используется ремарка *аплодисменты слева* и *аплодисменты*. Преимущественно присутствующие выражали согласие с утверждениями оратора (*голоса слева*: «Браво, браво»; *голоса слева*: «Верно»). В тексте насчитывается 15 ремарок, свидетельствующих о приятии слов оратора аудиторией. Добавим, что заканчивается стенограмма ремаркой *Шумные аплодисменты*.

Однако в зале были слышны и слова несогласия с высказываниями Милюкова. Депутаты Г. Г. Замысловский, Н. Е. Марков и А. П. Вишневский с места перебивали политика, обвиняя его в клевете и требуя доказательств: «Замысловский (с места). Клеветник. Скажите подписи. Не клеветайте»; «Вишневский (с места). Мы требуем подписи. Пусть не клеветает»; «Марков 2-й (с места). Он только сообщил заведомую неправду» и др. Поскольку речь Милюкова воспринималась с большим интересом (*голоса*: «Дайте слушать. Тише») и в основном была поддержана аудиторией (*голоса*: «Правильно»), возражавшие воспринимались как нарушители порядка (*Голоса слева*: «Допустимы ли эти выражения с места, господин председательствующий?»).

Критические заявления П. Н. Милюкова вызвали беспокойство и волнение среди депутатов. В стенограмме используются ремарки *шум*, *продолжительный шум*. Председательствующий неоднократно обращается к аудитории со словами: «Покорнейше прошу прекратить шум»; «Прошу г.г. членов Думы соблюдать спокойствие».

Газета «Биржевые ведомости» 2 ноября 1916 г. писала: «Лидер к.-д. фракции П. Н. Милюков произносит весьма серьезную и весьма сильную речь, которую Г. Дума не перестает от начала и до конца слушать с огромным вниманием и напряжением. Речь П. Н. Милюкова произвела настолько сильное впечатление, что представители к.-д. фракции собрались тотчас же после этой речи в помещении бюджетной комиссии и, пригласив туда П. Н. Милюкова, устами

Н. В. Некрасова приветствовали его. Речь Н. В. Некрасова заканчивалась словами: „Благодарим и гордимся“» [цит. по: 90 лет революции].

Выступление П. Н. Милюкова стало политическим скандалом, поскольку открыто с трибуны Государственной думы прозвучало обвинение царской власти в измене. Запрет речи цензурой привел к быстрому ее распространению и популярности. А. С. Резанов писал: «Благодаря недалновидности военной цензуры, запретившей печатание этой речи, она быстро приобрела легендарный характер, обросла сказками и баснями и начала передаваться из уст в уста в том виде и тоне, которые желал придать ей всякий излагающий ее содержание» [Резанов 1924: 7].

После произнесения речи возможность конструктивного сотрудничества членов Государственной думы с правительством была исключена.

Следует отметить, что в момент произнесения политик оценивал свою речь как важное дело, направленное на благо страны. Отвечая на вопрос Н. Е. Маркова «А ваша речь — глупость или измена?», П. Н. Милюков произнес: «Моя речь — есть заслуга перед родиной, которой вы не сделаете». Однако позднее, в начале января 1918 г., Милюков в письме П. Долгорукову напишет: «Мы должны признать, что нравственная ответственность за совершившееся лежит на нас, т. е. на блоке Государственной Думы. Вы знаете, что твердое решение воспользоваться войной для производства переворота было принято нами после начала войны <...> Вы понимаете теперь, почему я в последнюю минуту колебался дать согласие на производство переворота, понимаете также, каково должно быть в настоящее время мое внутреннее состояние. История проклянет вождей наших, так называемых пролетариев, но проклянет и нас, вызвавших бурю» [Милюков 1963: 21].

Композиция речи. Выступление П. Н. Милюкова построено по классической риторической схеме и состоит из трех частей. Вступление начинается с обращения *Когда члены Государственной Думы* и заканчивается утверждением: *...есть разница в положении*. Первая часть речи, построенная на временном противопоставлении «тогда — теперь», является небольшой по объему и состоит из 306 слов. Основная часть речи, представляющая собой обвинение в адрес правительства, начинается предложением *Мы потеряли веру в то, что эта власть может нас привести к победе* и заканчивается вопросом *имеем ли мы в данном случае дело с глупостью или с изменой?* Вторая

часть — большая по объему — насчитывает 2129 слов. Текстовыми границами заключения являются предложение *Когда вы целый год ждете выступления Румынии* и требование *не заслуживает доверия Государственной Думы и должен уйти*. Высокопарное окончание выступления состоит из 553 слов.

Анализируя строение политической речи, важно изучить сильные позиции текста. В начале выступления, обладающем большой информативной значимостью, звучит одно из основных требований Прогрессивного блока — создание правительства доверия: *создание министерства из лиц, к которым страна могла бы относиться с доверием*. В конце речи утверждается необходимость ответственности правительства перед членами Государственной думы. Напомним, что одна из политических задач, записанных в программе партии кадетов, состоит в формировании кабинета, который бы нес ответственность перед народными представителями. Иными словами, используя сильные позиции текста, депутат актуализирует в сознании слушателей основные лозунги своей политической группы.

Тематическая структура выступления.

Для описания тематической структуры выступления мы использовали программу *TextAnalyst*, которая выявляет основное содержание текста. Алгоритм реферирования основан на выборе из текста готовых предложений, которые содержат наибольшее число самых частотных понятий, иногда — с учетом их связей. Таким образом, информационный портрет документа раскрывается в форме последовательности ключевых цитат, отобранных из оригинала. Краткое изложение выступления П. Н. Милюкова может быть представлено следующим образом.

В результате, в заявлении 28-ми председателей губернских управ, собравшихся в Москве 29 октября этого года, вы имеете следующие указания: „мучительное, страшное подозрение, злоеущие слухи о предательстве и измене, о темных силах, борющихся в пользу Германии и стремящихся путем разрушения народного единства и сеяния розни подготовить почву для позорного мира, перешли ныне в ясное сознание, что вражеская рука тайно влияет на направление хода наших государственных дел“.

Итак, едва я переехал границу, несколько дней после отставки Сазонова, как сперва шведские, а затем германские и австрийские газеты принесли ряд известий о том, как встретила Германия назначение Штюльмера.

Откуда же берут германские и австрийские газеты эту уверенность, что

Штюрмер, исполняя желание правых, будет действовать против Англии и против продолжения войны?

В московских газетах была напечатана заметка по поводу записки крайне правых, доставленная в Ставку в июле перед второй поездкой Штюрмера.

В этой записке заявляется, что, хотя и нужно бороться до окончательной победы, но нужно кончить войну своевременно, а иначе плоды победы будут потеряны вследствие революции.

Левые партии, утверждает записка, „хотят продолжать войну, чтобы в промежутки организовать и подготовить революцию“.

Я вам называл этих людей — Манасевич-Мануйлов, Распутин, Питирим, Штюрмер.

Это та придворная партия, победою которой, по словам „Нейе Фрейе Прессе“, было назначение Штюрмера: „Победа придворной партии, которая группируется вокруг молодой Царицы“.

Говорят, что один член совета министров, услышав, что на этот раз Государственная Дума собирается говорить об измене, взволнованно вскрикнул: „Я, быть может, дурак, но я не изменник“.

Когда в разгар войны „придворная партия“ подкапывается под единственного человека, создавшего себе репутацию честного у союзников (шум) и когда он заменяется лицом, о котором можно сказать все, что я сказал раньше, то это...

Они для войны опасны: именно потому во время войны и во имя войны, во имя того самого, что нас заставило объединиться, мы с ними теперь боремся.

Следующим этапом анализа тематической структуры является выявление основных топиков выступления. Так, во введении говорится об ошибках военного министра Сухомлинова, о необходимости объединения народных сил и создания министерства доверия, об изменившейся общественно-политической ситуации на 10-м и 27-м месяце войны. В основной части звучит обвинение правительства в неспособности привести страну к победе и в злонамеренности действий, в частности подробно говорится о пагубности назначения Б. В. Штюрмера министром иностранных дел, о слухах об измене и предательстве в правительственных кругах. Эмоциональной кульминацией выступления является заключение, в котором политик призывает членов Государственной думы добиваться ухода правительства.

Дополним описание тематической структуры текста результатами статистического анализа стенограммы. Мы выяснили, что наиболее частотны в выступлении следующие

слова: *господа* (25), *наш* (25), *голова* (22), *Штюрмер* (21), *война* (18), *министр* (16), *государственный* (11), *Государственная дума* (9), *Манасевич-Мануйлов* (9), *газеты* (8), *кабинет* (8), *назначение* (7), *измена* (7), *слухи* (7), *Замысловский* (6), *германские* (5), *иностраных* (5), *арестовать* (5). Полагаем, что ключевые слова формируют основные пропозиции речи: 1. Слухам об измене в кабинете (на примере министра Штюрмера и его личного секретаря Манасевича-Мануйлова), описанным в германских (иностраных) газетах, следует доверять. 2. В условиях войны и в ситуации предательства правящих кругов необходимо усиление роли Государственной думы.

Коммуникативные стратегии и тактики. Нам представляется, что выступление П. Н. Милюкова можно определить как речь оппозиционного политика, использующего демагогические приемы и изобразительно-выразительные средства для достижения групповых политических целей. Напомним, что основная речевая интенция политика, который борется за власть, — активизировать массы, создать впечатление бедственного положения в стране и требовать активных действий по изменению реальности. Одним из языковых средств репрезентации идеи кризиса является употребление слов с негативной семантикой для описания социально-политической ситуации: *неудачи, недостатки, новые трудности* и др. При этом политику важно представить личную точку зрения как разделяемую большинством в обществе, например при помощи прилагательных со значением ‘распространяющийся на всех, всё’ (*общим расстройством народного хозяйства, общего недовольства и раздражения* и др.).

Мы считаем, что основным способом воздействия П. Н. Милюкова на слушателей является речевая агрессия, которая воплощается в двух основных коммуникативных стратегиях: стратегии дискредитации противника и стратегии повышения личного статуса. В свою очередь, дискредитация осуществляется при помощи коммуникативных тактик прямого и косвенного обвинения, отрицательной категоричности высказываний, а также демагогических приемов. Повышение статуса реализуется путем использования тактик самопрезентации и провозглашения собственной правоты.

Следует отметить, что речевая агрессия играла ключевую роль в развитии дискуссии в парламентской коммуникации начала XX в. [Громыко 2007].

Анализируя приемы дискредитации противника, мы пришли к выводу о том, что оратор

тор использует не доказательство, а убеждение и внушение, чтобы возложить вину на политических соперников. При этом депутат настаивает на предумышленности неблагоприятных поступков правительства, неоднократно описывая образ действий представителей власти при помощи наречия *намеренно*: *власть намеренно занимается вызыванием народных вспышек <...> намеренно вызываются волнения и беспорядки путем провокации; намеренно тормозится дело.*

Политик использует такой способ искажения истины, как сообщение информации (причиняющей ущерб политическому противнику) без указания ее источника: *Прошу извинения, что, сообщая о столь важном факте, я не могу назвать его источника* (автор эксплуатирует такое качество политической речи, как эзотеричность); *В московских газетах была напечатана заметка по поводу записки крайне правых* (отсутствие названия конкретной газеты, что затрудняет проверку достоверности информации); *Ко мне приходили и говорили: „Скажи-те, пожалуйста, там, в Петрограде, чем занимается известный Ратаев?“* (неопределенно-личное предложение) и др.

Аргументы, призванные разоблачить действия правительства, являют собой предположения и впечатления оратора: *Я передаю те впечатления, которые за границу определили мнение печати о назначении Штюмерера* и др. Кроме того, политик использует прием, известный как ложная авторитетность, цитируя в качестве доказательства своих обвинений различные германские и австрийские газеты: *У меня в руках номер „Берлинер Тагеблатт“ от 16 октября 1916 г. и в нем статья под заглавием: „Мануйлов, Распутин, Штюмерер“; „Особенно интересна была передовая статья в „Нейе Фрейе Пресс“ от 25 июня* и др.

В ходе выступления П. Н. Милюков концентрирует внимание аудитории на частностях: упоминает много фамилий, разъясняет детали заграничных разговоров, пересказывает чужую речь, подробно описывает незначительные эпизоды и др. Напомним, что функция данного приема — рассеять внимание слушателей, под видом объективной оценки предложить собственную интерпретацию событий. Обращает на себя внимание большая доля цитируемого текста. Это и фрагменты статей иностранных и московских газет, слова министра Горемыкина, слова Поливанова, декларация, французская желтая книга, где был опубликован германский документ; заявление 28 председателей губернских управ, записки, обвини-

тельные акты и др. Обилие чужого текста должно восприниматься слушателями как доказательство тезиса оратора, однако цитаты не содержат фактологического материала, а их содержание лишь усиливает эмоциональное давление на аудиторию.

Отрицательно характеризуя политических противников, оратор употребляет наименования обобщающего характера, что приводит к эффекту замалчивания: *кучка темных личностей руководит в личных и низменных интересах важнейшими государственными делами; один член совета министров* и др.

Дискредитируя политических оппонентов, Милюков говорит о необходимости судебного следствия, основанием для которого можно считать *инстинктивный голос всей страны и ее субъективную уверенность*. Это заявление можно рассматривать как провокацию, а также сложно трактовать в категориях права.

Сочетаемость слова *революция* с иностранным словом *идефикс*, означающим 'одержимость человека навязчивой, маниакальной идеей' и трижды повторяющимся в ограниченном текстовом пространстве с указательными местоимениями, способствует формированию представления о революции как о форме помешательства членов правительства, излишне опасаящихся народных волнений: *Так вот господа, та идефикс революции, грядущей со стороны левых, та идефикс, помешательство на которой обязательно для каждого вступившего члена кабинета, и этой идефикс приносится в жертву все.*

На понижение политического статуса противника оказали влияние и экстралингвистические факторы. Так, «Милюков приво-дил в оригинале цитаты из немецких газет, недопустимым образом задевавшие государ-ыню, а председательствовавший на заседании С. Т. Варун-Секрет не остановил его, поскольку не понимал по-немецки» [Шмелев 2005].

Агрессивность речи проявляется в резко категоричной тональности выступления, основными приемами выражения которой являются отрицание и отрицание. На лексическом уровне слова, в значение которых включена сема 'отрицание', создают пейоративный коннотативный фон, описывающий тяжелую ситуацию в стране: *измена, война, жертвы, предательство, брожение, непри-ятный* и др. Обвиняя политических соперников, Милюков использует характеристики с отрицательным значением: *неспособность и злонамеренность данного состава правитель-ства*. Негативная экспрессия усиливает-

ся при помощи прилагательных с семами 'отвращение', 'злоба': *ненавистные министры*.

На словообразовательном уровне характерно употребление префиксов *не-*, *без-*, усиливающих противительное значение: *беспорядки, недостатки* и др.

На синтаксическом уровне отрицательные предложения (*Штюрмер не арестовал Манасевича-Мануйлова*), конструкции со словом *нет* (*у нашей власти нет ни знаний, ни талантов, необходимых для настоящей минуты*), предложения с противительными союзами (*Это — старая для наших германофилов тема, но она развивается в ряде новых нападок*) актуализируют в тексте семантику отрицания.

Использование выделительной функции указательного местоимения *этот* в предложении, формирующем негативный контекст, создает эффект отстранения оратора от предмета высказывания: *Мы потеряли веру в то, что эта власть может нас привести к победе*.

Показательно, что концептуализация правительства осуществляется в категории опасности (*только во время войны они и опасны*) и воплощается в символе зла (*Это наше главное зло, победа над которым будет равносильна выигрышу всей кампании*). Мы наблюдаем подмену понятий, когда правительство, а не Германия становятся врагом страны. Следуя логике построения этих суждений, основным действием по отношению к правительству должна стать борьба: *мы будем бороться, пока не добьемся той настоящей ответственности правительства* и др. При этом максимальная степень речевой агрессии достигается путем снижения косвенности инвективы (обращение непосредственно к объекту агрессии): *Мы будем бороться с вами <...> пока вы не уйдете*.

Побуждая собравшихся в зале депутатов принять на веру обвинения власти, П. Н. Милюков отказывается от рациональной аргументации, обращаясь в первую очередь к пафосу (чувство, эмоциональная память человека) и этосу (коллективная память, мораль): *во имя миллионов жертв и потоков пролитой крови; во имя нашей ответственности перед всем народом* и др. Отметим, что этот демагогический прием направлен на имитацию нравственного поведения политика.

Добавим, что в заключительной части выступления политик использует некорректную дихотомию, когда из множества возможных альтернатив выбираются лишь две: глупость или измена.

Коммуникативная стратегия «повышение собственного статуса» реализуется в такти-

ке «провозглашение собственной правоты», которая раскрывается через самопредставление оратора в качестве непризнанного пророка при помощи частотного самоцитирования и использования предложений с субъектом «я» в начальной позиции предложения в ограниченном текстовом фрагменте: *Еще 13 июня 1916 г. с этой кафедры я предупреждал <...> Я цитирую свои тогдашние слова. Я указывал тогда, — привожу опять мои слова <...>. Увы, господа, это предупреждение, как все другие, не было принято во внимание*.

Тактика самопрезентации реализуется посредством акцентирования активной речевой позиции оратора (*я + говорить*): *я скажу открыто; я вам скажу; я очень рад сказать* и др.

Риторические особенности выступления. Речевое воздействие на собравшихся в зале заседания членов думы осуществляется при помощи определенных риторических средств.

П. Н. Милюков часто использует речевые приемы привлечения внимания:

- обращение к аудитории с вопросом (*Вы спрашиваете, как же мы начнем бороться во время войны?*);

- вопросно-ответный ход (*Вы можете спросить: кто такой Манасевич-Мануйлов? Почему он нам интересен. Я вам скажу, господа, Манасевич-Мануйлов — это...*);

- речевые средства юмора и иронии (*Вот что говорится в этой статье: „Как бы не обрусел старик Штюрмер (смех), все же довольно странно, что иностранной политикой в войне, которая вышла из панславистских идей, будет руководить немец (смех)“*);

- прямые обращения к собравшимся (*Господа, я может быть не решил бы говорить о каждом из моих отдельных впечатлений*). Заметим, что в тексте насчитывается 25 употреблений слова *господа*;

- различные виды повторов, например лексические (*Какая, господа, разница, теперь, на 27-м месяце войны, разница, которую особенно замечаю я*).

В целях убеждения аудитории в истинности своих слов политик применяет речевые приемы, помогающие домыслить его высказывание. П. Н. Милюков нередко обращается с риторическим вопросом, который призван сформировать желаемое отношение к содержанию высказывания, эффективен в ситуации напряженного ожидания, возбужденной аудитории, обеспечивает молчаливое согласие слушающих с мнением оратора (*Не обращаясь к уму и знаниям власти, мы обращались тогда к ее патри-*

отизму и к ее добросовестности. Можем ли мы это сделать теперь?). Политик использует такое эффективное средство косвенного информирования, как намек (*известная нам прихожая; круг лиц* и др.).

Изобразительно-выразительные средства позволяют политику усилить эмоциональность и выразительность своей речи. Особое значение в структуре риторических средств выступления получают фигуры, проясняющие чувства и эмоции оратора. Так, во вступлении политик неоднократно использует анафору, т. е. прием, передающий чувство уверенности, положительный настрой говорящего в сказанном: *Мы сами те же, что прежде. Мы те же на 27-м месяце войны, какими были на 10-м и какими были на первом*. В заключении выступления нарастание эмоционально-смысловой значимости слов оратора усиливается при помощи градации: *Мы имеем много, очень много отдельных причин быть недовольными правительством. — Это наше главное зло... — Кабинет, не удовлетворяющий этим признакам, не заслуживает доверия Государственной Думы и должен уйти*. Добавим, что взволнованность и искренность речи достигается при помощи частотного употребления личных и притяжательных местоимений: *С тяжелым чувством я вхожу сегодня на эту трибуну; следить за махинациями наших врагов* и др.

Эллипсис придает динамизм разворачиванию повествования (*Мы теперь перед новыми трудностями* и др.).

Для усиления речевого воздействия политик использует синтаксические средства выразительности, в частности, ряды однородных членов (*трудности эти не менее сложны и серьезны, не менее глубоки*) и способствующий ритмизации речи параллелизм (*Мы по-прежнему стремимся к полной победе, по-прежнему готовы нести необходимые жертвы и по-прежнему хотим поддерживать национальное единение*).

Известно, что тропы делают ясным сам предмет речи. В выступлении политика используются эпитеты, способствующие обозначению предмета (*высокий порыв на помощь войне; взволнованное чувство русского патриота* и др.). Метафора, помимо того что служит средством эмоционального воздействия, выполняет в тексте когнитивную функцию: обогащает представления аудитории об особенностях социально-политической действительности, привлекая для ее описания новые вторичные признаки (*ядовитое семя подозрения уже дает обильные плоды; пропасть между нами и ею* (властью. — М. Г.)

расширилась и стала непроходимой; зачатки русской свободы и др.).

Мы полагаем, что благодаря таким качествам, как образность, оценочность, эмоциональность, призывность, политическое выступление П. Н. Милюкова близко публицистическому стилю речи.

Заключение. Подводя итоги лингвистического анализа выступления П. Н. Милюкова, можно сказать, что определяющую роль в восприятии речи как значимого политического действия сыграло ораторское мастерство политика и тревожные общественные настроения, возникшие в сложной социальной ситуации.

Убеждение и внушение, а не доказывание являлись способами речевого воздействия члена Государственной думы на собравшихся в зале заседания депутатов. Речевая агрессия была направлена на политических соперников и использовалась для защиты личных и групповых политических интересов. Основными коммуникативными стратегиями речи являлись дискредитация противников и повышение личного статуса.

Речевое воздействие осуществлялось при помощи риторических средств привлечения внимания, речевых приемов, помогающих домыслить высказывания оратора, и изобразительно-выразительных средств, усиливающих эмоциональность и выразительность речи.

Какие уроки можно извлечь из анализа речи П. Н. Милюкова и ее влияния на начало революционных действий? Во-первых, нравственная ответственность политика за произнесенное слово, поскольку политическое высказывание и политическое действие тесно взаимосвязаны. Во-вторых, для поступательного развития страны важным является диалогическое общение власти и общества, разъяснение политического курса гражданам, особенно в атмосфере недоверия к представителям власти. В-третьих, важно повышать уровень риторического образования в средней и высшей школах, развивать критическое мышление.

Считаем, что специалистам по политической лингвистике необходимо осуществлять мониторинг деструктивного речевого поведения политиков, чтобы уменьшить возможность формирования управляемой толпы.

ЛИТЕРАТУРА

1. 90 лет революции // Коммерсант.ру. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/720980>.
2. Аннушкин В. И. Риторика и стилистика : учеб. пособие для студентов соц.-экон. и юрид. факультетов. Ч. 1. — М., 2004. 165 с.
3. Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. — М. : Знание, 1991.
4. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русской поли-

тической метафоры. — М., 1994.

5. Виноградов С. И. Выразительные средства в парламентской речи // Русская речь. 1994. № 1. С. 43—48.

6. Громыко С. А. Особенности речевой агрессии русских националистов в дореволюционной Государственной думе // Политическая лингвистика. 2016. № 4. С. 217—224.

7. Громыко С. А. Русский политический дискурс начала XX века (на материале дискуссии в I Государственной Думе 1906 года) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Вологда, 2007. 22 с.

8. Зюбина И. А., Матвеева Г. Г., Лесняк М. В. Коммуникативные стратегии манипулирования в парламентском дискурсе // Вестн. Пятигор. гос. лингвист. ун-та. 2015. № 4. С. 187—192.

9. Кирьянов И. К. Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве : дис. ... д-ра ист. наук. — Пермь, 2009.

10. Культура парламентской речи / под ред. Л. К. Граудиной. — М. : Наука, 1994.

11. Матвеев А. В. Идеологема «русский» в думской рито-

рике В. М. Пуришкевича (опыт контент-анализа) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 7 (69). Ч. 2. С. 118—122.

12. Милоков П. Н. Письмо П. Н. Милокова князю Павлу Долгорукову : (Исторический документ, нигде до сих пор не опубликованный) : из архива ген. С. В. Денисова // Вестник первоходника : ежемес. журн., посвящ. Первому Кубанскому походу и истории белых армий. 1963. № 27. С. 21—22.

13. Резанов А. С. Штурмовой сигнал П. Н. Милокова. — Париж, 1924.

14. Складневская Г. Н., Ткачева И. О. Давайте говорить правильно! Политический язык современной России : краткий словарь-справочник. — СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2003.

15. Шмелев А. Д. Ложная тревога и подлинная беда // Отечественные записки. 2005. № 2 (23). URL: <http://philology.ru/linguistics2/shmelyov-05.htm> (дата обращения: 14.06.2017).

16. Van Dijk T. A. Ideology. A multidisciplinary study. — London, 1998.

M. V. Gavrilova

Saint-Petersburg, Russia

THE IMPACT OF POLITICAL WORD: CENTENARY OF THE RUSSIAN REVOLUTION

ABSTRACT. In 2017 Russia celebrates the 100th anniversary of the February and October Revolutions. This is a serious reason for an objective and comprehensive assessment of the historical development of Russian political discourse and for the research of the impact of political speech on public opinion. The aim of this paper is to analyze the speech pronounced by the politician Pavel Milyukov on the 14th of November 1916. This famous speech is included in the textbooks in History as it is supposed to "initiate" the Revolution (A.S. Rezanov), but it has not been thoroughly investigated in political linguistics. The article examines the topic, composition, communicative strategies and tactics, argumentation and expressive means of political speech.

Complex linguistic analysis revealed the following: conviction and persuasion, rather than evidence, were the means of verbal influence of the politician on those present in the room. Verbal aggressiveness against political opponents was used as a means of protection of personal political interests and those of the political group. The paper argues that the main discursive strategies pursuing aim of influence on members of the State Duma were to discredit political rivals and to increase a personal status. It was also shown that certain rhetorical moves of attracting the audience attention, special techniques of argumentation and linguistic means, amplifying the emotional and expressive impact of the speech were involved in the analyzed speech.

KEYWORDS: political speech; political rhetoric; political linguistics; political discourse; political leaders; speech manipulation.

ABOUT THE AUTHOR: Gavrilova Marina Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor, Saint-Petersburg State University of Film and Television, Saint-Petersburg, Russia.

REFERENCES

1. 90 let revolyutsii // Kommersant.ru. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/720980>.

2. Annushkin V. I. Ritorika i stilistika : ucheb. posobie dlya studentov sots.-ekon. i yurid. fakul'tetov. Ch. 1. — М., 2004. 165 s.

3. Baranov A. N., Kazakevich E. G. Parlamentskie debaty: traditsii i novatsii. — М. : Znanie, 1991.

4. Baranov A. N., Karaulov Yu. N. Slovar' russkoy politicheskoy metafory. — М., 1994.

5. Vinogradov S. I. Vyrizitel'nye sredstva v parlamentskoy rechi // Russkaya rech'. 1994. № 1. С. 43—48.

6. Gromyko S. A. Osobennosti rechevoy agressii russkikh natsionalistov v dorevolutsionnoy Gosudarstvennoy dume // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 4. С. 217—224.

7. Gromyko S. A. Russkiy politicheskiy diskurs nachala XX veka (na materiale diskussii v I Gosudarstvennoy Dume 1906 goda) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Vologda, 2007. 22 s.

8. Zhubina I. A., Matveeva G. G., Lesnyak M. V. Kommunikativnye strategii manipulirovaniya v parlamentskom diskurse // Vestn. Pyatigor. gos. lingvist. un-ta. 2015. № 4. С. 187—192.

9. Kir'yanov I. K. Rossiyskie parlamentarii nachala XX veka: novye politiki v novom politicheskom prostranstve : dis. ... d-ra ist. nauk. — Perm', 2009.

10. Kul'tura parlamentskoy rechi / pod red. L. K. Graudinoy. — М. : Nauka, 1994.

11. Matveev A. V. Ideologema «russkiy» v dumskey ritorike V. M. Purishkevicha (opyt kontent-analiza) // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 7 (69). Ч. 2. С. 118—122.

12. Milyukov P. N. Pis'mo P. N. Milyukova knyazyu Pavlu Dolgorukovu : (Istoricheskiy dokument, nigde do sikh por ne opublikovanny) : iz arkhiva gen. S. V. Denisova // Vestnik pervopokhodnika : ezheemes. zhurn., posvyashch. Pervomu Kubanskomu pokhodu i istorii belykh armiy. 1963. № 27. С. 21—22.

13. Rezanov A. S. Shturmovoy signal P. N. Milyukova. — Paryzh, 1924.

14. Sklyarevskaya G. N., Tkacheva I. O. Davayte govorit' pravil'no! Politicheskiy yazyk sovremennoy Rossii : kratkiy slovar'-spravochnik. — SPb. : Filol. fak. SPbGU, 2003.

15. Shmelev A. D. Lozhnaya trevoga i podlinnaya beda // Otechestvennye zapiski. 2005. № 2 (23). URL: <http://philology.ru/linguistics2/shmelyov-05.htm> (data obrashcheniya: 14.06.2017).

16. Van Dijk T. A. Ideology. A multidisciplinary study. — London, 1998.